

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2304-022X-2026-16-3-6-17

УДК 338.45(045)

JEL O25, O38, L52

К вопросу об управлении ростом российской промышленности в условиях формирования экономики предложения

С.Р. Бекулова, Е.Л. Морева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Переход к экономике предложения требует качественного обновления системы управления промышленным ростом. **Целью** исследования стало выявление и систематизация лакун (пробелов, разрывов, несогласованностей) в государственном регулировании, которые препятствуют сбалансированному индустриальному развитию России. Методологической основой выступили системный подход и институциональный анализ; эмпирическую базу составили данные Росстата, аналитические материалы Высшей школы экономики и нормативно-правовые акты 2008–2026 гг. Авторами выявлено, что ключевые дисбалансы управления индустриальным ростом: низкая инновационная активность, концентрация потенциала в научном секторе и критическая зависимость от импорта оборудования — являются следствием институциональной, координационной и нормативно-целевой лакун. Научная новизна работы заключается в их систематизации применительно к условиям перехода к экономике предложения. **Результаты** исследования могут быть полезны как органам государственной власти при корректировке промышленной и научно-технической политики, так и ученым, чьи научные интересы лежат в области управления промышленным развитием.

Ключевые слова: экономика предложения; промышленность; промышленная политика; управление промышленным ростом; сбалансированный рост; инновационная активность

Для цитирования: Бекулова С.Р., Морева Е.Л. К вопросу об управлении ростом российской промышленности в условиях формирования экономики предложения. *Управленческие науки = Management Sciences*. 2026;16(3):6-17. DOI: 10.26794/2304-022X-2026-16-3-6-17

ORIGINAL PAPER

On Managing the Growth of Russian Industry Amid the Transition to a Supply-Side Economy

S.R. Bekulova, E.L. Moreva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The transition to a supply-side economy requires a qualitative transformation of the industrial growth management system. The **aim of the study** is to identify and systematize gaps — including deficiencies, discontinuities, and inconsistencies — in government regulation that impede balanced industrial development in Russia. The methodological framework comprises a systems approach and institutional analysis. The empirical basis consists of data from the Federal State Statistics Service (Rosstat), analytical materials of the National Research University Higher School of Economics, and regulatory and legal acts issued between 2008 and 2026. The authors demonstrate that the key imbalances in the management of industrial growth — low innovation activity, the concentration of innovation potential in the research sector, and critical dependence on imported equipment — result from institutional, coordination, and regulatory-target-setting gaps. The scientific novelty of the study lies in the systematization of these gaps in the context of the transition to a supply-side economy. The **findings** may be useful both to public authorities in adjusting industrial and science and technology policies and to researchers whose academic interests focus on industrial development management.

Keywords: supply-side economy; industry; industrial policy; industrial growth management; balanced growth; innovation activity

For citation: Bekulova S.R., Moreva E.L. On managing the growth of Russian industry amid the transition to a supply-side economy. *Upravlencheskie nauki = Management Sciences*. 2026;16(3):6-17. DOI: 10.26794/2304-022X-2026-16-3-6-17

© Бекулова С.Р., Морева Е.Л., 2026

ВВЕДЕНИЕ

Переход к национальной модели экономики предложения, обозначенный в программных выступлениях руководства страны, в частности В.В. Путина¹, и закреплённый в документах стратегического планирования², не является уникальной российской инициативой, а вписывается в глобальный тренд пересмотра политики в сторону управления предложением³ [1, 2]. Для его реализации требуется пересмотр сложившихся подходов к управлению промышленным ростом.

В отличие от предшествующего периода, когда акцент делался преимущественно на стимулировании совокупного спроса, новая модель предполагает активизацию факторов производства — труда, капитала и, что особенно важно в современных геополитических условиях, технологий⁴. Однако, как показывает практика, простое наращивание инвестиционной активности или точечная поддержка отдельных высокотехнологичных секторов не гарантируют устойчивого и эффективного развития промышленности в целом [3–5]. Более того, сам характер управления (его целеполагание, инструментарий, межведомственная координация) остаётся в некоторой степени фрагментированным.

Ключевой задачей становится формирование эффективного механизма управления промышленным ростом, что обусловлено как внутренними (исчерпание потенциала прежней модели), так и внешними (санкционное давление, разрыв кооперационных цепочек) вызовами. Сохраняются и даже усугубляются структурные диспропорции между наукой и промышленностью, разработкой и внедрением технологий, высоко- и низкотехнологичными секторами, которые выступают зако-

номерным результатом лакун⁵ в самой системе управления промышленным развитием.

Цель настоящего исследования — определить и систематизировать основные из этих лакун в условиях перехода к модели экономики предложения, а также определить перспективные направления их преодоления.

СБАЛАНСИРОВАННЫЙ РОСТ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИКИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Проблематика сбалансированного развития экономических систем имеет глубокие теоретические корни — от классической традиции А. Смита [6] и закона рынков Ж.-Б. Сэя («Предложение рождает спрос») [7], моделей макроэкономического равновесия А. Маршалла [8] — до современных теорий инновационного развития (А. Лаффер [9], Р. Манделл [10]) и национальных инновационных систем. Однако эти концепции описывают равновесие на уровне рынка в целом, не конкретизируя механизмы обеспечения сбалансированности промышленного роста как объекта управления.

В зарубежной литературе, посвященной непосредственно индустриальному развитию, анализ структурных изменений традиционно связывается с работами Н. Калдора [11] и А. Филлипса [12], а также с более поздними исследованиями в русле эволюционной экономики (Р. Нельсон, С. Уинтер [13]) и теории экономической сложности (К. Хидальго, Р. Хаусман [14]). В последние годы проблематика сбалансированности индустриального роста активно разрабатывается в рамках дискуссий о новой промышленной политике (Д. Родрик [15]), роли глобальных цепочек создания стоимости (Т. Стерджен, Г. Джериффи [16]) и условиях технологической конвергенции (IMF, 2025⁶; BIS, 2025⁷). Эмпирические исследования на глобальных панельных данных показывают, что устойчивый рост обеспечивается не просто специализацией в высокотехнологичных отраслях, но и сбалансиро-

¹ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. 20.06.2025 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7830901> (дата обращения: 30.03.2026).

² План структурных изменений в российской экономике до 2030 г. (утв. протоколом заседания Правительства РФ от 27.11.2025 № 41). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413219438/> (дата обращения: 30.03.2026).

³ China Policy. Five ‘new musts’ sharpen the CEWC policy framework. 2025. URL: <https://policycn.com/public/commentaries/five-new-musts-sharpen-the-cewc-policy-framework-54079> (дата обращения: 10.05.2026).

⁴ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов (разработаны Минфином России). URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=314027-osnovnye_napravleniya_byudzhetoj_nalogovoi_i_tamozhenno-tarifnoj_politiki_rossijskoi_federatsii_na_2026_god_i_na_planovyi_period_2027_i_2028_godov (дата обращения: 10.05.2026).

⁵ Данное определение опирается на расширительную трактовку термина «лакуна» как «пропуска, пробела, недостающего места». Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М: АСТ; 1992. 736 с.

⁶ What is Needed for Convergence? The Role of Capital and Finance. IMF. Working Paper 2025:112. URL: <https://www.imf.org/en/publications/wp/issues/2025/06/12/what-is-needed-for-convergence-the-role-of-capital-and-finance-567662> (дата обращения: 30.03.2026).

⁷ BIS. What is needed for convergence? The role of finance and capital. Working Paper No. 1284, 2025. URL: <https://www.bis.org/publ/work1284.htm> (дата обращения: 30.03.2026).

ванным сочетанием промышленной и научной диверсификации, развитием человеческого капитала и финансовой системы (IMF, 2025⁸; BIS, 2025⁹).

В российской экономической науке вопросы сбалансированности промышленного роста также нашли отражение в работах В.В. Ивантера [17], С.Ю. Глазьева [18, 19], А.Н. Клепача [20] и др. Проблемы интеграции научно-технической и промышленной политики, а также достижения технологического суверенитета исследуются Е.Б. Ленчук [21], О.С. Сухаревым [22] и др.

Наряду с этим требуют отдельного рассмотрения лакуны в действующей системе мер государственной политики, препятствующие достижению сбалансированного роста промышленности в новых реалиях — при формировании экономики предложения и ужесточении требований к технологическому суверенитету.

Авторская концепция, разработанная в русле развития этих подходов применительно к задачам управления промышленным ростом, выделяет четыре вида баланса:

- функциональный — соответствие структуры промышленного производства его социально-экономическим эффектам;
- ресурсный — согласование потребностей промышленной системы с ее финансовым, кадровым и управленческим потенциалом;
- интеграционный — устойчивость горизонтальных связей между наукой, образованием, бизнесом и государством;
- воспроизводственный — непрерывность инновационного цикла от фундаментального исследования до серийного производства.

Формирование в России национальной модели экономики предложения меняет требования к характеру промышленного развития, поскольку она фокусируется на активизации факторов производства (труда, капитала, технологий и институциональной среды) в отличие от предшествующей, ориентированной преимущественно на управление спросом. В этих условиях сбалансированный рост приобретает новые измерения.

Требуется согласование темпов и направлений развития не только секторов конечного спроса, но и отраслей, формирующих предложение технологий, комплектующих и инвестиционных товаров. Кроме того, сбалансированность предполагает синхронизацию инвестиционных циклов в разных звеньях производственных цепочек. Ключевым условием становится интеграция научно-технологической и промышленной политики, обеспечивающая непрерывный поток инноваций из сферы исследований в реальное производство.

Таким образом, в новой модели сбалансированный промышленный рост — это не просто увеличение выпуска, а динамическое равновесие между генерацией знаний, их технологической реализацией и промышленным освоением, а также развитием высокотехнологичных лидеров и модернизацией базовых секторов.

В рамках авторской концепции динамическое равновесие понимается как состояние системы «наука — технологии — промышленность», при котором основные индикаторы развития находятся в сбалансированном состоянии, обеспечивающем непрерывность инновационного цикла и устойчивый экономический рост. Это состояние определяется не каким-либо одним показателем, а диагностируется через совокупность индикаторов, относящуюся к выделенным выше четырем видам баланса.

Ключевыми группами индикаторов для диагностики сбалансированности выступают:

- результаты инновационной деятельности (доля инновационной продукции в общем объеме отгруженных товаров; вклад инновационного сектора в прирост производства; технологическая структура промышленности);
- финансирование НИОКР (внутренние затраты на исследования и разработки в % к ВВП; их динамика и сопоставление со странами-лидерами);
- технологическое лидерство и ресурсная база промышленности (доля высокотехнологичных секторов в производстве; степень износа основных фондов; доля импортного оборудования; баланс платежей за технологии);
- интеграция науки и промышленности (сопоставление инновационной активности в секторе научных исследований и разработок и в обрабатывающей промышленности; уровень кооперации предприятий с вузами и НИИ).

Критерием достижения динамического равновесия является нахождение этих показателей

⁸ What is Needed for Convergence? The Role of Capital and Finance. IMF. Working Paper 2025:112. URL: <https://www.imf.org/en/publications/wp/issues/2025/06/12/what-is-needed-for-convergence-the-role-of-capital-and-finance-567662> (дата обращения: 30.03.2026).

⁹ BIS. What is needed for convergence? The role of finance and capital. Working Paper No. 1284, 2025. URL: <https://www.bis.org/publ/work1284.htm> (дата обращения: 30.03.2026).

в целевых коридорах, соответствующих задачам технологического суверенитета и экономики предложения. Напротив, отклонение индикаторов от сбалансированных значений (например, многократное превышение инновационной активности в науке над промышленностью при низком уровне вложения инноваций в экономический рост) свидетельствует о нарушении равновесия и служит сигналом для выявления конкретных лакун в системе управления. Диагностика дисбалансов через систему количественных индикаторов позволяет перейти от констатации проблем к их структурированию в виде лакун государственного регулирования и обоснованию направлений корректировки политики.

АНАЛИЗ ДИСБАЛАНСОВ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМ РОСТОМ

Ниже на основе статистических данных и результатов ранее опубликованных исследований [4, 5] анализируются ключевые дисбалансы управления промышленным ростом, сложившиеся в российской системе «наука — технологии — промышленность».

Дисбаланс между генерацией знаний и их промышленным освоением

Воспроизводственный баланс, предполагающий непрерывность инновационного цикла (от фундаментального исследования до серийного производства) в России нарушен. В 2024 г. затраты на НИОКР составили 0,97% ВВП, что в 3–5 раз ниже, чем в странах — технологических лидерах (в США — 3,45% ВВП, в Германии — 3,13% ВВП, в Китае — 2,58% ВВП, в Южной Корее — 4,96% ВВП)¹⁰. Долю инновационной продукции в общем объеме отгруженных товаров на протяжении 2013–2024 гг. нельзя назвать значимой, поскольку она колеблется в диапазоне 7–9%¹¹.

Показательным является вклад инноваций в экономический рост. Для его оценки авторами для каждого года рассчитаны абсолютные при-

¹⁰ Гохберг Л. М., Стрельцова Е. А., Бочаров М. Я и др. Индикаторы науки: 2026: статистический сборник. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ; 2026.

¹¹ Гохберг Л. М., Бочаров М. Я., Дитковский К. А. и др. Наука. Технологии. Инновации: 2026. Краткий статистический сборник. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ; 2026.

Таблица 1 / Table 1

Структура прироста производства обрабатывающей промышленности России,
% / Structure of Manufacturing Output Growth in Russia, % *

Год / Year	Прирост общего производства / Increase in total production	Вклад инновационного сектора / Contribution of the innovation sector	Вклад неинновационного сектора / Contribution of the non-innovation sector
2014	-6,2	-7,5	107,5
2015	20,9	16,5	83,5
2016	11,9	16,2	83,8
2017	-11,4	-7,7	107,7
2018	5,8	2,8	97,2
2019	-0,3	-2,2	102,2
2020	14,8	32,8	67,2
2021	6,7	2,0	98,0
2022	3,9	6,4	93,6
2023	29,7	15,6	84,4
2024	22,5	9,6	90,4

Источник Source: составлено авторами на основе данных Росстата и сборников серии «Наука. Технологии. Инновации» (2020–2026) / compiled by the authors based on the collections of the series «Science. Technology. Innovation» (2020–2026).

* Примечание / Note: отрицательные значения означают сокращение соответствующего сектора; Значения, превышающие 100%, означают, что прирост производства обеспечивается за счет одного сектора при сокращении другого / negative values indicate a reduction in the corresponding sector; Values greater than 100% mean that production growth is achieved through one sector while another is reduced.

Таблица 2 / Table 2

**Технологическая структура обрабатывающей промышленности России, %* /
Technological Structure of Russian Manufacturing, %***

Год / Year	Доля инновационной продукции / Share of innovative products	Высокотехнологичная (1) / High-tech (1)	Среднетехнологичная высокого уровня (2) / Medium-tech high-level (2)	Сумма 1+2 / Sum of 1+2	Среднетехнологичная низкого уровня (3) / Medium-tech low-level (3)	Низкотехнологичная (4) / Low-tech (4)
2013	11,6	6,7	24,0	30,7	47,2	22,2
2014	9,9	6,7	22,0	28,7	47,5	23,9
2015	10,6	6,9	20,1	27,0	49,8	23,2
2016	10,9	7,4	20,2	27,6	49,5	22,9
2017	8,6	3,8	22,9	26,7	54,2	19,0
2018	7,7	5,7	19,7	25,4	56,6	18,0
2019	7,7	6,3	20,4	26,7	54,6	18,8
2020	8,5	9,4	19,6	29,0	51,2	19,8
2021	7,1	6,5	19,9	26,4	53,9	19,6
2022	7,0	6,6	18,8	25,4	53,2	21,4
2023	8,0	6,8	19,4	26,2	53,4	20,4
2024	8,3	7,5	20,2	27,7	51,9	20,4

Источник / Source: составлено авторами на основе сборников серии «Наука. Технологии. Инновации» (2020–2026) / compiled by the authors based on the collections of the series «Science. Technology. Innovation» (2020–2026).

Примечание / Note: * Данные табл. 2 отражают долю каждого технологического уровня в общем объеме отгруженной продукции обрабатывающей промышленности России. Классификация по технологическим уровням выполнена в соответствии с методологией ОЭСР, адаптированной Росстатом / the data in Table 2 reflect the share of each technological level in the total volume of shipped products of the Russian manufacturing industry. The classification by technological level is based on the OECD methodology, adapted by Rosstat.

росты как общего производства, так и продукции инновационного и неинновационного секторов, причем вклад каждого из секторов определяется в виде отношения абсолютного прироста к общему, выраженного в процентах. Результаты расчетов представлены в табл. 1.

Согласно данным табл. 1, вклад инноваций в экономический рост в течение 6 из 12 лет не превышал 10%, а в 2014 и 2017 гг. был отрицательным. Исключениями стали 2020 г. (32,8%) и 2023 г. (15,6%), однако в 2024 г. данный показатель вновь снизился до 9,6%.

Патентная активность в России неоднозначна. По данным ВОИС, в 2024 г. отечественные заявители подали 21,5 тыс. заявок (7-е место в мире), однако это относится преимущественно к внутреннему

рынку. В то же время по регистрации полезных моделей Россия заняла 2-е место в мире (13,6 тыс. заявок), уступив только Китаю¹².

Дисбаланс технологической структуры промышленности (функциональный баланс)

Для достижения функционального баланса требуется, чтобы ведущее место в промышленном производстве занимали высокотехнологичные сектора. Однако суммарный объем последних и среднетех-

¹² Россия в топе по полезным моделям и товарным знакам: как страна формирует новую инновационную модель. РЦИС. 18.11.2025. URL: <https://xn--h1apes.xn--plai/about/press/rossiya-v-tope-po-poleznym-modelyam-i-tovarnym-znakam-kak-strana-formiruet-novuyu-innovacionnuyu-model> (дата обращения: 10.05.2026).

Таблица 3 / Table 3

Технологическая структура инновационного сектора обрабатывающей промышленности России, %* / Technological Structure of the Innovation Sector of Russian Manufacturing, %*

Год / Year	Высокотехнологическая (1) / High-tech (1)	Среднетехнологическая высокого уровня (2) / High-tech medium (2)	Сумма 1+2 / Sum of 1+2	Среднетехнологическая низкого уровня (3) / Low-tech medium (3)	Низкотехнологическая (4) / Low-tech (4)
2013	9,4	30,9	40,4	47,8	6,5
2014	11,6	31,9	43,5	41,0	9,6
2015	11,8	25,5	37,2	47,4	9,8
2016	11,9	23,4	35,3	48,6	9,7
2017	6,6	40,8	47,3	39,2	13,5
2018	12,7	29,8	42,5	45,4	12,1
2019	14,9	29,4	44,3	44,4	11,3
2020	14,6	27,3	41,9	49,0	9,1
2021	17,0	31,1	48,1	39,1	12,8
2022	17,8	23,3	41,1	45,5	13,4
2023	16,4	25,2	41,6	48,6	9,9
2024	18,6	23,4	42,1	48,3	9,6

Источник / Source: составлено авторами на основе сборников серии «Наука. Технологии. Инновации» (2020–2026) / compiled by the authors based on the collections of the series «Science. Technology. Innovation» (2020–2026).

Примечание / Note: * – Данные табл. 3 рассчитаны как доля каждого технологического уровня в общем объеме инновационной продукции обрабатывающей промышленности России, что позволяет оценить технологическую структуру непосредственно инновационного сектора / * – table 3 is calculated as the share of each technological level in the total volume of innovative products of the manufacturing industry in Russia, which allows us to assess the technological structure of the innovation sector itself.

нологических отраслей высокого уровня на протяжении 2013–2024 гг. не превышает 25–31%, а основной объем производства (72–76%) приходится на средне- и низкотехнологичные сектора (табл. 2).

В инновационном секторе ситуация аналогичная — более половины его продукции производится в низко- и среднетехнологичных секторах (табл. 3).

Около 90% промышленных предприятий остаются вне фокуса государственной инновационной политики, которая, по мнению Е.Л. Моревой и др., ориентирована преимущественно на 10–12% высокотехнологичных лидеров. При этом на их долю приходится лишь 26% общего объема отгруженной продукции, тогда как 73% обеспечивают менее инновационные (низко- и среднетехнологичные) сектора. Государственная поддержка, сфокусированная на высокотехнологичных отраслях¹³,

¹³ Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-п (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Концепции техно-

не охватывает основную массу производителей, что консервирует сложившуюся технологическую структуру.

Дисбаланс финансирования и кооперации

В активной части основных фондов промышленности доля импортного оборудования достигает 65%¹⁴. Технологический платежный баланс устойчиво отрицателен, дефицит увеличился с 154 млн долл. в 2000 г. до 3,9 млрд долл. в 2021 г. [4].

гического развития на период до 2030 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895/ (дата обращения: 30.03.2026); Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494804/ (дата обращения: 30.03.2026).

¹⁴ Заседание Президиума РАН. 2026 г. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/zasedanie-prezidiuma-ran-vyzovy-rossijskoj-ekonomiki-i-ekonomiceskaa-politika> (дата обращения: 21.04.2026).

Инновационная активность в секторе научных исследований и разработок (75–80%) многократно превышает аналогичный показатель в обрабатывающей промышленности (27–29%)¹⁵. Кроме того, фиксируется низкий уровень кооперации промышленных предприятий с вузами и НИИ, что в совокупности свидетельствует о невысокой интенсивности горизонтальных связей между наукой и реальным сектором экономики¹⁶.

ЛАКУНЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМ РОСТОМ И НАПРАВЛЕНИЯ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Выявленные дисбалансы управления промышленным ростом — разрыв между генерацией знаний и их освоением, технологическая стагнация, слабое взаимодействие науки и промышленности — закономерно вытекают из лакун государственного регулирования, которые образуют логическую цепочку. Отсутствие на протяжении почти двух десятилетий (до 2025 г.) утвержденных количественных измерителей технологической независимости (нормативно-целевая лакуна) существенно затрудняло системный мониторинг прогресса и своевременную корректировку политики. По этой причине не был создан эффективный координирующий орган между наукой и промышленностью, а ведомства, отвечающие за промышленную политику, оказались практически исключенными из формирования научно-технической политики (институционально-управленческая и координационная лакуны). В результате государственная поддержка пошла по пути наименьшего сопротивления — на высокотехнологичные проекты, тогда как основная масса предприятий (низко- и среднетехнологичные сектора) осталась вне фокуса (структурная лакуна). Игнорирование базовых секторов способствовало усилению зависимости от импорта оборудования и технологий (ресурсная лакуна), а сохраняющиеся административные барьеры (регуляторная лакуна) блокируют реализацию даже тех мер, которые декларируются на высшем уровне.

Первичной, на наш взгляд, в этой цепочке выступает нормативно-целевая лакуна. Еще в 2008 г.

Концепция долгосрочного развития до 2020 г.¹⁷ задала вектор перехода к инновационной модели, но не установила количественных измерителей технологической независимости. Без целевых показателей политика развивалась по инерции. Стратегия научно-технологического развития 2016 г.¹⁸ вынуждена была констатировать невосприимчивость экономики к инновациям, но механизмов коррекции предложено не было, и проблема осталась нерешенной. И только в 2024–2025 гг., спустя 17 лет, были определены целевые показатели¹⁹ и правовая основа технологической политики.

Отсутствие измеримых целей закономерно привело к институционально-управленческой и координационной лакунам. Слабость горизонтальных связей между наукой и промышленностью обусловлена отсутствием эффективного органа, который на системной основе увязывал бы стратегии Минобрнауки, Минпромторга и других ведомств. Создание такого «интегратора» может стать институциональным решением координационной лакуны.

В этой связи заслуживает внимания предложение академика РАН, главного экономиста ВЭБ.РФ А.Н. Клепача²⁰ о возрождении Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ). Подобные «интеграторы» науки и промышленности существуют, в частности, в Германии — система институтов Фраунгофера (Fraunhofer-Gesellschaft)²¹ на

¹⁷ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 21.04.2026).

¹⁸ Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»; Федеральный закон № 523-ФЗ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71451998/> (дата обращения: 21.04.2026).

¹⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2025 г. № 1990 «О целевых показателях в области технологической политики в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/413267863/> (дата обращения: 21.04.2026).

²⁰ Заседание Президиума РАН: вызовы российской экономики и экономическая политика. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/zasedanie-prezidiuma-ran-vyzovy-rossijskoj-ekonomiki-i-ekonomiceskaa-politika> (дата обращения: 21.04.2026).

²¹ Fraunhofer-Gesellschaft — крупнейшая в Европе организация прикладных исследований, основанная в 1949 г. Основные механизмы трансфера технологий: совместные

¹⁵ Власова В.В., Гохберг Л.М., Грачева Г.А. и др. Индикаторы инновационной деятельности: 2026: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ; 2026.

¹⁶ Власова В.В., Гохберг Л.М., Грачева Г.А. и др. Индикаторы инновационной деятельности: 2025: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ; 2025.

протяжении более 75 лет обеспечивает трансфер технологий из фундаментальной науки в производство через совместные проекты, лицензирование и создание дочерних инновационных компаний; Южная Корея в ходе технологической модернизации опиралась на специализированные агентства, сочетавшие координацию НИОКР с контролем за внедрением результатов²².

Последствия отсутствия такой координации хорошо видны на конкретном примере. Так, в Государственной программе «Научно-технологическое развитие»²³ из промышленных ведомств представлено лишь Минэкономразвития, а в подпрограмме 4. «Интеграция науки...» промышленные министерства в качестве ключевых заказчиков инноваций не названы. Это может свидетельствовать о том, что формирование приоритетов технологического роста происходит без прямого участия отраслевых промышленных ведомств (Минпромторга и др.), что закрепляет разрыв между научными работами и их внедрением. Как следствие, стратегические приоритеты технологического развития слабо интегрированы в инвестиционные инструменты (СПИК, СЗПК), а ресурсы распределяются по заявительному, а не проектному принципу [23].

Из этой нескоординированности выросла структурная лакуна. Отсутствие органа, увязывающего научно-техническую и промышленную политику, привело к тому, что государственная поддержка сконцентрировалась на «высокотехнологичных» проектах, тогда как основная масса предприятий, работающих в низко- и среднетехнологичных секторах, оказалась вне фокуса. Таким образом, технологическая структура промышленности осталась законсервированной — доля высокотехнологичных

секторов не превышает 25–31%, а 73% отгруженной продукции приходится на низко- и среднетехнологичные сектора (см. табл. 2).

Закономерным следствием структурного перекоса стала ресурсная лакуна. Игнорирование базовых секторов усилило зависимость от импорта оборудования и технологий. По оценке директора ИНП РАН А.А. Широ́ва, доля импортного оборудования в активной части основных фондов промышленности достигает 65%, что создает высокие риски для темпов экономического роста и технологической безопасности²⁴. Принятый в 2025 г. технологический сбор (Федеральный закон № 425-ФЗ²⁵) является запоздалым признанием проблемы, но без синхронизации с другими инструментами он создает риск увеличения цен без стимулирования инноваций.

Завершает цепочку регуляторная лакуна. Две параллельные системы госзакупок, длительные сроки согласований и правовая неопределенность (более 40% IT-компаний отмечают отставание законодательства от динамики инноваций)²⁶ блокируют реализацию даже тех мер, которые декларируются на высшем уровне.

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОРРЕКТИРОВКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМ РОСТОМ

Выявленные лакуны позволяют выделить несколько приоритетных направлений корректировки государственной политики в области управления промышленным ростом:

Институциональное направление. Перспективным представляется создание надведомственного координирующего органа между наукой и промышленностью по аналогии с советским Государственным комитетом по науке и технике (ГКНТ),

проекты с промышленностью, лицензирование интеллектуальной собственности (ежегодный доход около €164 млн) и создание дочерних инновационных компаний (свыше 480 с 2000 г.). URL: <https://www.fraunhofer.de> (дата обращения: 20.04.2026).

²² KEIT (Korea Evaluation Institute of Industrial Technology) — государственное агентство при Министерстве торговли, промышленности и энергетики Республики Корея. Бюджет на 2026 г. составляет около \$2,79 млрд. Ключевой механизм — компания-заказчик участвует в проекте с этапа планирования и дает предварительное обязательство по закупке результатов. URL: <https://www.keit.re.kr> (дата обращения: 20.04.2026).

²³ Постановление Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/72216664/> (дата обращения: 20.04.2026).

²⁴ Заседание Президиума РАН: вызовы российской экономики и экономическая политика (март 2026 г.). URL: <https://scientificrussia.ru/articles/zasedanie-prezidiuma-ran-vyzovy-rossijskoj-ekonomiki-i-ekonomiceskaa-politika> (дата обращения: 21.04.2026).

²⁵ Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации...». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413065215/> (дата обращения: 21.04.2026).

²⁶ Технологический суверенитет: как Россия превращает вызовы в прорыв. URL: <https://xn-80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/upload/tehologicheskij-suverenitet/tehologicheskij-suverenitet.pdf> (дата обращения: 20.04.2026).

который мог бы на системной основе увязывать стратегии Минобрнауки, Минпромторга, Минцифры и других ведомств в единую технологическую политику.

Нормативное направление. Концепция экономики предложения, несмотря на декларативную поддержку на высшем уровне, не имеет легального определения в федеральном законодательстве. Целесообразно рассмотреть возможность внесения изменений в Федеральный закон № 523-ФЗ²⁷, включив в него статью, определяющую «экономику предложения» как модель, ориентированную на активизацию факторов производства, с ежегодным мониторингом ключевых показателей.

Инвестиционное направление. ВЭБ.РФ ведет Реестр проектов технологического суверенитета, в свою очередь Фонд развития промышленности синхронизирует свою деятельность с приоритетами промышленной политики. Перспективной представляется дальнейшая интеграция этих механизмов — включение в критерии оценки специальных инвестиционных контрактов (СПИК 2.0) показателей соответствия технологическим приоритетам, а также синхронизация карт технологической кооперации с инвестиционными соглашениями.

Структурное направление. Дифференциация мер поддержки уже реализуется в ряде отраслей. В начале 2026 г. Правительством РФ был утвержден перечень тех из них, что нуждаются в приоритетной поддержке, в который вошли, в частности, сельскохозяйственное машиностроение, автомобильная и легкая промышленности, производство электрического оборудования, лесопромышленный комплекс, а также производство пищевых продуктов и напитков²⁸. В то же время эти меры носят преимущественно отраслевой, а не технологический характер. Представляется целесообразным дополнить их программами модернизации, ориентированными именно на технологический уровень предприятий, независимо от их отраслевой принадлежности, с акцентом на предприятия, обеспечивающие основную массу промышленной

продукции, но остающиеся вне фокуса «высокотехнологичной» политики.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Основанный на выделенных в концепции четырех видах баланса (функциональный, ресурсный, интеграционный и воспроизводственный) анализ дисбалансов промышленного роста показал, что основные из них — низкая инновационная активность, технологическая стагнация и слабая кооперация науки и производства — являются не случайными сбоями, а следствием лагун в государственном регулировании. В числе последних: нормативно-целевая лагуна (отсутствие количественных измерителей технологической независимости на протяжении почти двух десятилетий); структурная (ориентация поддержки на узкий круг высокотехнологичных лидеров); институционально-управленческая и координационная (отсутствие координирующего органа между наукой и промышленностью, слабая интеграция технологических приоритетов в инвестиционные инструменты).

Для преодоления названных лагун целесообразно не ограничиваться точечной корректировкой мер, а сосредоточиться на четырех направлениях: институциональном (создание надведомственного координирующего органа по аналогии с ГКНТ), нормативном (официальное определение понятия «экономика предложения» на законодательном уровне), инвестиционном (интеграция технологических приоритетов в механизмы СПИК 2.0) и структурном (дифференциация мер поддержки для низко- и среднетехнологичных секторов).

О признании государством наличия этих лагун свидетельствуют принятые в 2025–2026 гг. нормативно-правовые акты, однако их фрагментарный и запаздывающий характер не позволяет говорить о системном преодолении проблем. Результаты работы могут быть полезны органам государственной власти при корректировке промышленной и научно-технической политики.

Настоящее исследование ограничено анализом общепромышленных показателей. Дальнейшие изыскания могут быть направлены на детальный анализ лагун в отдельных высокотехнологичных отраслях (машиностроение, микроэлектроника, фармацевтика).

²⁷ Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494804/ (дата обращения: 20.04.2026).

²⁸ Кабмин определил отрасли для приоритетной поддержки. ТАСС. 22.01.2026. URL: <https://tass.ru/ekonomika/26223949> (дата обращения: 19.05.2026).

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных в 2026 г. за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out in 2026 at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Daco G. Global economic outlook: Risk and opportunity in a supply shock world. EY-Parthenon. Jun. 17, 2026. URL: https://www.ey.com/en_us/insights/strategy/global-economic-outlook (дата обращения: 10.05.2026).
2. Zhu Y. China unveils new measures to steady growth across 10 key industries. Yicai Global. Oct. 09, 2025. URL: <https://www.yicaiglobal.com/news/china-issues-new-growth-stabilization-measures-for-10-key-industries> (дата обращения: 10.05.2026).
3. Ахапкин Н.Ю. Динамика промышленного производства в России: эффекты санкционных ограничений и изменений отраслевой структуры. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2025;(6):7-23. DOI: 10.52180/2073-6487_2025_6_7_23
4. Морева Е.Л., Бекулова С.Р., Пак В.И. К вопросу о политике обеспечения в России технологического суверенитета: определение экономических оснований. *Экономика строительства*. 2025;(9):259-261.
5. Капранова Л.Д. Достижения Россией технологического суверенитета: проблемы и перспективы. *Проблемы экономики и юридической практики*. 2025;21(4):129-141. DOI: 10.33693/2541-8025-2025-21-4-129-141
6. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Пер. с англ. М.: Эксмо; 2007. 960 с.
7. Сэй Ж.-Б. Трактат политической экономии. Пер. с фр. М.: Дело; 2000. 232 с.
8. Маршалл А. Принципы экономической науки. Пер. с англ. М.: Прогресс; 1993. Т. 1-415 с.; Т. 2-310 с.; Т. 3-351 с.
9. Laffer A.B. The Laffer curve: Past, present and future. The Heritage Foundation. Jun. 01, 2004. URL: <https://www.heritage.org/taxes/report/the-laffer-curve-past-present-and-future> (дата обращения: 10.05.2026).
10. Mundell R.A. Monetary theory: Interest, inflation and growth in the world economy. Pacific Palisades, CA: Goodyear Publishing Company; 1971. 189 p.
11. Kaldor N. Strategic factors in economic development. Ithaca, NY: Cornell University Press; 1967. 83 p.
12. Leeson R., ed. A.W.H. Phillips: Collected works in contemporary perspective. Cambridge: Cambridge University Press; 2000. 534 p.
13. Nelson R.R., Winter S.G. An evolutionary theory of economic change. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1982. 452 p.
14. Hidalgo C.A., Hausmann R. The building blocks of economic complexity. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2009;106(26):10570-10575. DOI: 10.1073/pnas.0900943106
15. Rodrik D. Industrial policy for the twenty-first century. Harvard University. Faculty Research Working Papers Series. 2004;(47). URL: <https://jacksondetoni.wordpress.com/wp-content/uploads/2012/09/texto-4-rodrik-pi-sc3a9culo-xxi.pdf>
16. Gereffi G., Humphrey J., Sturgeon T. The governance of global value chains. *Review of International Political Economy*. 2005;12(1):78-104. DOI: 10.1080/09692290500049805
17. Ивантер В.В. и др. Структурно-инвестиционная политика в целях модернизации экономики России. *Проблемы прогнозирования*. 2017;(4):3-16.
18. Глазьев С.Ю. О неравномерности современного экономического роста как процесса развития и смены технологических укладов. *Социология*. 2013;(4):42-52.
19. Глазьев С.Ю., Сухарев О.С. Экономический рост и монетарная политика России. *Journal of New Economy*. 2025;26(1):6-30. DOI: 10.29141/2658-5081-2025-26-1-1
20. Клепач А.Н., Водоватов Л.Б., Белецкий Ю.В., Боровков А.И., Дасковский М.И. Экономика научно-технологического прорыва и суверенитета. М.: РУДН; 2024. 138 с.

21. Ленчук Е. Б., Ахалкин Н. Ю., Лыкова Л. Н., Николаев И. А., Филатов В. И. Структурные изменения в российской экономике и политика технологической трансформации. М.: ИЭ РАН; 2025. 72 с.
22. Сухарев О. С. Технологический суверенитет: решения на макроэкономическом и отраслевом уровне. *Микроэкономика*. 2023;(2):19-33. DOI: 10.33917/mic-2.109.2023.19-33
23. Абдикеев Н. М., Оболенская Л. В., Бекулова С. Р. Развитие институциональной среды регулирования и стратегические направления вложения инвестиций для усиления технологической безопасности в промышленности РФ. *Экономика. Налоги. Право*. 2026;19(2):53-64. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-2-53-64

REFERENCES

1. Daco G. Global economic outlook: Risk and opportunity in a supply shock world. EY-Parthenon. Jun. 17, 2026. URL: https://www.ey.com/en_us/insights/strategy/global-economic-outlook (accessed on 10.05.2026).
2. Zhu Y. China unveils new measures to steady growth across 10 key industries. Yicai Global. Oct. 09, 2025. URL: <https://www.yicai.com/news/china-issues-new-growth-stabilization-measures-for-10-key-industries> (accessed on 10.05.2026).
3. Akhupkin N. Yu. Industrial production dynamics in Russia: Effects of sanctions restrictions and changes in the industry structure. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2025;(6):7-23. (In Russ.). DOI: 10.52180/2073-6487_2025_6_7_23
4. Moreva E. L., Bekulova S. R., Pak V. I. Further to the policy of ensuring technological sovereignty in Russia: The determination of its economic basis. *Ekonomika stroitel'stva = Economics of Construction*. 2025;(9):259-261. (In Russ.).
5. Kapranova L. D. Russia's achievements of technological sovereignty: Problems and prospects. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki = Economic Problems and Legal Practice*. 2025;21(4):129-141. (In Russ.). DOI: 10.33693/2541-8025-2025-21-4-129-141
6. Smith A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. London: Methuen & Co., Ltd.; 1904. 1152 p. (Russ. ed.: Smith A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. Moscow: Eksmo; 2007. 960 p.).
7. Say J.-B. Traité d'économie politique ou Simple exposition de la manière dont se forment, se distribuent et se consomment les richesses. Paris: Chez Antoine-Augustin Renouard; 1803. 393 p. (Russ. ed.: Say J.-B. Traktat politicheskoi ekonomii. Moscow: Delo; 2000. 232 p.).
8. Marshall A. Principles of economics. London: Macmillan and Co.; 1920. 627 p. (Russ. ed.: Marshall A. Printsipy ekonomicheskoi nauki. Moscow: Progress; 1993. Vol. 1-415 p.; Vol. 2-310 p.; Vol. 3-351 p.).
9. Laffer A. B. The Laffer curve: Past, present and future. The Heritage Foundation. Jun. 01, 2004. URL: <https://www.heritage.org/taxes/report/the-laffer-curve-past-present-and-future> (accessed on 10.05.2026).
10. Mundell R. A. Monetary theory: Interest, inflation and growth in the world economy. Pacific Palisades, CA: Goodyear Publishing Company; 1971. 189 p.
11. Kaldor N. Strategic factors in economic development. Ithaca, NY: Cornell University Press; 1967. 83 p.
12. Leeson R., ed. A. W. H. Phillips: Collected works in contemporary perspective. Cambridge: Cambridge University Press; 2000. 534 p.
13. Nelson R. R., Winter S. G. An evolutionary theory of economic change. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1982. 452 p.
14. Hidalgo C. A., Hausmann R. The building blocks of economic complexity. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2009;106(26):10570-10575. DOI: 10.1073/pnas.0900943106
15. Rodrik D. Industrial policy for the twenty-first century. Harvard University. Faculty Research Working Papers Series. 2004;(47). URL: <https://jacksondetoni.wordpress.com/wp-content/uploads/2012/09/texto-4-rodrik-pi-sc3a9culo-xxi.pdf>
16. Gereffi G., Humphrey J., Sturgeon T. The governance of global value chains. *Review of International Political Economy*. 2005;12(1):78-104. DOI: 10.1080/09692290500049805
17. Ivanter V. V., et al. Structural and investment policy as an instrument for modernizing the Russian economy. *Studies on Russian Economic Development*. 2017;28(4):364-372. DOI: 10.1134/S1075700717040086 (In Russ.: *Problemy prognozirovaniya*. 2017;(4):3-16.).

18. Glazyev S. Yu. On the unevenness of modern economic growth as a process of development and change of technological modes. *Sotsiologiya = Sociology*. 2013;(4):42-52. (In Russ.).
19. Glazyev S.Yu., Sukharev O. S. Economic growth and monetary policy in Russia. *Journal of New Economy*. 2025;26(1):6-30. (In Russ.). DOI: 10.29141/2658-5081-2025-26-1-1
20. Klepach A.N., Vodovatov L.B., Beletskiy Yu.V., Borovkov A.I., Daskovskiy M.I. Economics of scientific and technological breakthrough and sovereignty. Moscow: RUDN; 2024. 138 p. (In Russ.).
21. Lenchuk E. B., Akhapi N.Yu., Lykova L.N., Nikolaev I.A., Filatov V.I. Structural changes in the Russian economy and the policy of technological transformation. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; 2025. 72 p. (In Russ.).
22. Sukharev O. S. Technological sovereignty: Solutions on the macroeconomic and industry level. *Mikroekonomika = Microeconomics*. 2023;(2):19-33. (In Russ.). DOI: 10.33917/mic-2.109.2023.19-33
23. Abdikeev N.M., Obolenskaya L.V., Bekulova S.R. Russian industry's technological safety: Regulatory framework and strategic improvement directions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law*. 2026;19(2):53-64. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-2-53-64

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Сузанна Робертиновна Бекулова — младший научный сотрудник Института финансово-промышленной политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
Suzanna R. Bekulova — Junior Researcher, Institute of Financial and Industrial Policy and Economic Security Problems, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-1384-4694>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

SRBekulova@fa.ru

Евгения Львовна Морева — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института финансово-промышленной политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
Eugenia L. Moreva — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Leading Researcher, Institute of Financial and Industrial Policy and Economic Security Problems, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-6355-7808>

ELMoreva@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила в редакцию 28.05.2026; после рецензирования 05.08.2026; принята к публикации 21.08.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 28.05.2026; revised on 05.08.2026 and accepted for publication on 21.08.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.